

*АЛЕКСАНДР ГЛОТОВ, профессор,
Національний університет «Острозька академія»*

РУССКИЙ ЯЗЫК И УКРАИНА

Аналіз сучасного стану російської мови в Україні як соціально-психологічного та культурного феномену. Варіанти вирішення проблеми державно-політичними та соціокультурними методами. Ключові слова: російська мова, діаспора, політичний конфлікт.

Анализ современного состояния русского языка на Украине как социально-психологического и культурного феномена. Варианты решения проблемы государственно-политическими и социокультурными методами. Ключевые слова: русский язык, диаспора, политический конфликт.

Analysis of the modern state of Russian language in Ukraine as the socially-psychological and cultural phenomenon. Variants of decision of problem state-political and sociocultural methods. Key words: Russian language, Diaspora, political conflict.

1. Введение. Довольно значительная часть граждан современных постсоветских государств продолжает, к счастью или к сожалению, ощущать себя причастной к событиям, происходящим как в бывшей метрополии, то бишь – в России, так и в иных бывших братских республиках. Особенно это касается этнических русских, волею исторических событий оказавшихся в своего рода эмиграции. Я уже не говорю о неизбывном советском менталитете, независимо от национальности носителя его. В общем, образно выражаясь, мы продолжаем по утрам петь «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!».

Для граждан постсоветских государств одним из основных признаков «советского» менталитета является употребление в быту русского языка. Речь идёт, разумеется, не о Российской Федерации. Хотя и там не всё так однозначно. Но об этом – позже.

Носитель русской речи определяется в сознании современного гражданина, например, Украины не просто как некий русский, живущий на Украине, а именно как приверженец «имперского, шовинистического» мышления, как противник независимой Украины, как сторонник возврата к бывшему советскому строю. Это чаще всего не декларируется явно, однако достаточно зайти в Интернет и просмотреть отзывы пользователей на любую более или менее «горячую» новость, прозвучавшую в украинских СМИ: стоит кому-то написать комментарий по-русски, как он тут же получает обвинения в том, что он «москаль», «кацап» и ему пора задуматься на тему «чемодан-вокзал-Россия». Благо, в Интернете такого рода дискуссии ведутся анонимно, и потому авторы комментариев не стесняются в выражениях и пишут то, что даже в повседневном быту говорить вроде как и не принято.

Несколько лет уже по украинскому Интернету гуляет фраза якобы Солженицына: «Нет в этом мире мельче, сволочнее и хамовитее особи, чем кацап. Рождённый в нацистской стране, вскормленный пропагандой нацизма, – этот ублюдок никогда не станет Человеком. У его страны нет друзей – либо холоуи, либо враги. Его страна способна только угрожать, унижать и убивать. И за сохранение этого статуса Рассеей рядовой кацап готов пожертвовать собственной жизнью, жизнью своих родителей и детей, качеством жизни собственного народа. Воистину: кацапы – звери. Лютые, кровожадные, но... смертные».

При каждом удобном и даже неудобном случае находят патриоты, которые, удовлетворённо урча и баритонально попукивая, обильно унавоживают всевозможные форумы этим текстом. Особый колорит всему этому придаёт то немаловажное обстоятельство, что в целом репутация Солженицына на Украине весьма подозрительна, поскольку он время от времени пытался как-то присовокупить Украину к России в своих мечтаниях о постсоветском обустройстве. Чем и вызывал

яростные патриотические брызги.

Судя по материалам СМИ положение дел в других постсоветских государствах примерно аналогичное.

Разумеется, Украина – территориально самое большое государство Европы, исторически разделённое на разные в культурном и социальном плане регионы, поэтому отношение к носителю русской речи в разных местах различное. Где-то, например – на востоке и на юге Украины, наоборот – носитель украинского языка воспринимается с настороженностью, с некоторым даже предубеждением, с подсознательной готовностью услышать от него агрессивные заявления.

В конечном счёте, речь идёт о том, что именно фактор языка в современной Украине стал с определённого политического момента неким аргументом социального устройства мира. И к сожалению – отнюдь не объединяющим аргументом.

Не секрет, что многие русские, жившие на Украине, не считали необходимым изучать украинский язык и владеть им, поэтому обрушившаяся независимость и введение украинского как государственного стало для значительной части новообразовавшихся «украинцев» неприятной неожиданностью. И с определённого момента требование употребления украинского в различных сферах, прежде всего – образования и делопроизводства, начало приниматься в штыки. Психологически понять таких людей, прежде всего – зрелого возраста, легко. Тем не менее, проблема остаётся. И что самое опасное – остаётся нерешённой на государственном уровне. Что там говорить – высшие должностные лица государства Украина с большим трудом говорят по-украински. Единственный президент Украины, к которому не было претензий в смысле владения государственным языком – бывший высокопоставленный партийный советский функционер Леонид Кравчук.

За двадцать лет разлуки, внесоветского бытия, сформировались различные культурные и социальные стереотипы, больше скажу – выросло поколение молодых людей, для которых вообще что Горбачёв что Наполеон, что Сталин что Чингисхан – фигуры одной исторической эпохи, современники.

2. Категория «государственный язык» и родственная ей категория «официальный язык» существует как исторически сложившееся понятие, возникшее сравнительно недавно, в период именно формирования национальных, моноэтнических государств, став при этом неотъемлемым компонентом становления собственно государственности, отличающей именно это государственное образование от другого. Но это – правило. Самое странное, что исключений из этого правила, пожалуй, больше, чем подтверждений.

Государственный язык является обязательным для употребления в большинстве сфер социальной жизни. Государственный статус господствующего языка в период формирования державы являлся национальнообразующим фактором, способствующим объединению граждан под эгидой той или иной формы управления. Так возник язык французский, испанский, немецкий – из множества диалектов и даже языков, в ряде случаев – существующих до сих пор. Так образовывалась нация, возникала национальная культура. В общем, становление государственного языка – исторически позитивный фактор.

Вместе с тем история знает массу прецедентов, когда государственный язык и этнос, населяющий эту страну, – не совпадают. Вся Северная и Южная Америка, называясь американцами, мексиканцами, бразильцами, перуанцами и так далее, не говорят на американском, мексиканском, бразильском, перуанском и так далее языках. А говорят на английском, испанском и португальском. Значит ли это, что американской, бразильской и мексиканской культур не существует? Отнюдь, они существуют, вне зависимости от языка совершенно другого государства, на котором они создаются.

То есть, прямой универсальной зависимости «одна нация – один язык – одна культура» не существует.

Тем не менее, в ряде случаев, особенно когда речь идёт о соседних, исторически зависимых друг от друга, иногда – враждующих народах, вопрос о легитимности иного языка становится особенно острым. Большая часть населения Ирландии, например, говорит на английском языке, но статус первого государственного имеет именно ирландский, и это – вопрос национальной чести.

Примеры различного характера можно множить до бесконечности, варьируя их в зависимости от политической установки на решение вопроса. Неизменным остаётся одно: есть язык, который традиционно на данном историческом отрезке времени некая социальная общность использует как коммуникативное средство. Вот такое вынужденно абстрактное и расплывчатое определение, поскольку, например, тот язык, на котором общались жители Московского госу-

дарства в XVI или XVII столетии, вряд ли тождественен современному русскому литературному языку. А язык, на котором написаны произведения Вильяма Шекспира, современному англичанину вообще недоступен. Носители нынешнего верхненемецкого языка с трудом понимают носителей нынешнего же нижненемецкого. Так что именно так будем ставить вопрос: любой язык существует как в диахронии, так и в синхронии. Носитель языка воспринимает только ныне существующую версию как собственно язык, сам же язык, меняя носителей его, постоянно меняется. То, с помощью чего общались между собой жители Киевской Руси, не имеет практически прямой и непосредственной связи ни с нынешним русским, ни с нынешним украинским языком. Точнее, имеет такую же связь, как и с нынешним польским, словацким, белорусским – и даже литовским.

И второй постулат: исторически возникнув, государство начинает испытывать нужду в государственной атрибутике, нравится это кому-либо или нет. Государственные границы, флаг, герб, гимн, законодательство – и язык.

Вот по-разному в истории бывало. В США вообще де-юре нет понятия государственного языка, только в 28-ми (из пятидесяти) штатах страны английский принят как официальный. Есть страны, где несколько государственных языков. Такой вот диапазон. Если кому-то нужен статус государственной легитимности языка – он возникает. Нет – обходятся без него. Ни трагедии, ни особого торжества справедливости ни в том, ни в другом случае усматривать нет необходимости.

3. В дореволюционной России, если посмотреть на её историю без предубеждения, статус русского языка как такового сформировался довольно поздно. Что там говорить, Пушкину в первой половине уже XIX века приходилось своим творчеством доказывать существование русского языка и собственно создавать его. Откроем «Войну и мир» Льва Толстого и убедимся, что образованное общество того времени на русском языке не говорит.

Статус официального языка русский в Российской империи получил только после революции 1905 года. Такой вот парадокс. То есть, сравнительно недавно русское государство как молодое национальное образование испытывало необходимость в самоутверждении русского языкового менталитета. И это – в окружении многочисленных инациональных окраин, которых Россия молодая в процессе роста нагребла как Жучка блох.

Естественно, в ходе этого не обошлось без применения государственного насилия. По отношению к наиболее могучим и жизнеспособным национально-языковым формированиям приходилось власть употреблять. Более 200 нормативно-правовых актов, изданных различными имперскими ведомствами и направленных против украинского («малороссийского») языка, до сих пор стучат в сердце национально сознательных граждан Украины.

А ведь к 1654 году, моменту присоединения к Московскому государству, Украина несколько столетий прожила в отрыве от русского этноса. В совершенно иных социальных условиях, формируя в совершенно иную нацию. Украина не строила деревянных изб, не играла на балалайке и не носила валенок. Ну не носила она валенок, что тут поделаешь. Климат тут другой. Не было на этой земле царя-батюшки, крепостного права не было. Да и после присоединения ментальность разбросанного по бескрайним украинским степям сельского населения изменить было совсем не просто.

Особенно болезненно это воспринималось еще и потому, что многие выходцы из Украины создавали и русскую государственность, и русскую культуру, продолжая помнить при этом своё происхождение.

А ничего другого и ожидать было нельзя. Точно такая же история происходила и во всех остальных развитых государствах. Насилие по отношению к арагонскому, галисийскому и каталанскому языкам, уж не говоря о баскском, во славу испанского языка – исторически пройденный этап. Что в своём развитии пережил нынешний английский, собравший в себе отголоски всех поглощенных им наречий, знают только сугубые знатоки истории английского языка.

Советская власть задекларировала культуру «национальную по форме, социалистическую по содержанию». И собственно государственным статусом русского языка не бравировала. Два года, накануне кончины, в СССР русский был официальным. До этого – языком межнационального общения.

Многие усматривают в этом особое византийское коварство власть предрежащих: дескать, русский ни на что особое не претендует, он всего лишь – помощник в общении между калмыком и эстонцем, и не более того. Но... Без знания русского языка в Советском Союзе планировать маломальски приличную карьеру в любой сфере жизни было бессмысленно. И это факт.

Есть у тебя способности к языкам, нету таких – никого не интересовало. Есть – тогда если не сам, то дети твои станут полноценными русскими и, глядишь, в люди выйдут. Вы будете смея-

тся, но известные сейчас в России фамилии Фурсенко, Шахрай и Швыдкой – украинские. А если их перевести на русский – вы будете смеяться ещё больше. Прав был Николай Васильевич Гоголь: «каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица».

4. После развала Советского Союза русский язык де-факто продолжал исполнять ту же функцию – средства межнационального общения. То есть, латышские, скажем, предприниматели в поисках делового партнера обнаруживают подходящую кандидатуру в, предположим, Казахстане. Ну не конченные же они дебилы, чтобы писать ему письмо по-латышски. А казахского переводчика под рукой нет. Тут и к гадалке ходить не надо, чтобы определить, на каком языке будет вестись деловая переписка. До английского у нынешних бизнесменов нос не дорос. То есть, по большому счёту, русский используется как международный.

Хотя у меня на глазах свершился однажды, так сказать, языковой казус. Дело было в Польше, на научной конференции, где встретились два ярых националиста: украинский и белорусский. Так вот они, зная по-польски полтора слова, упрямо норовили разговаривать между собой именно на польском языке, поскольку украинец не знал белорусского, а белорус соответственно – украинского. Но на проклятый русский переходить не хотели ни за какие коврижки. Достигли ли они консенсуса, сказать не могу, потому что в результате они перешли исключительно на язык жестов и межнациональный мат.

Дальше – немного статистики, которая сама по себе мало о чём свидетельствует, но может послужить основой для некоторых раздумий. Итак, после 1991 года русский язык сохранил статус официального, кроме Российской Федерации, в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане. В остальных десяти бывших советских республиках таковой статус утрачен. Причём в семи из них русский вполне логично легитимизирован как язык иностранный: Азербайджан, Армения, Грузия, Латвия, Литва, Туркмения, Эстония.

Не определились толком, как им быть с русским языком, Молдавия, Узбекистан и Украина.

Ну с Молдавией понятно, она свои полтора гектара территории умудрилась еще и поделить. Часть страны просится в Румынию, часть – в Россию, на худой конец – к Украине. Им вообще-то надо бы сначала для себя решить, на каком языке они сами говорят, имеет хождение версия, закреплённая в молдавской Конституции, что молдавский язык идентичен литературному румынскому языку Румынии.

В Узбекистане нынешний лидер страны как вступил в должность Первого секретаря ЦК республики в 1989 году, так и продолжает её исполнять до сих пор. По старой памяти дали местным русским некую полумифическую льготу – русский как язык национального меньшинства. Что они с этой льготой делают – трудно сказать. «Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать».

Украина избрала самый сложный путь: между там и здесь. Русский язык для Украины не государственный – это точно. Но и не иностранный. На этот шаг никто еще не решился из меняющих друг друга правительств. Некоторые из восточных губернаторств пробовали было ввести у себя статус русского как языка национального меньшинства, успеха это не имело. Я, как этнический русский и как русский филолог по образованию, например, глубоко убеждён, что загадочный региональный статус для русского языка – дешёвая подачка, в которой ни русский язык как таковой, ни русская культура вообще абсолютно не нуждается.

В Конституции Крыма как Автономной республики есть некоторые послабления, но они не распространяются на всю территорию Украины, да и в самом Крыму в спорных случаях приоритет имеет общеукраинское законодательство, что естественно.

В Российской Федерации, насколько мне известно, есть два типа государственных языка: общегосударственный – русский и местный государственный – для тех субъектов Федерации, которые этого пожелают. Некоторые пожелали.

5. Если придерживаться более или менее точных формулировок, то понятие «язык межнационального общения» может применяться только для полиэтнических государств. Национальные же республики СССР в 1991 году самоопределились со своим суверенитетом именно на основе моноэтничности своих государственных образований, обозначенной в их названиях. Никто, кроме России, не определял себя как федерация. Стало быть, языком межнационального общения русский язык по определению не может быть ни в одном из постсоветских государств.

Международными языками принято считать языки, имеющие значительное количество их носителей. На данный момент таковых семь: английский, испанский, русский, арабский, португальский, французский и немецкий. Эти языки с большой форой опережают остальные языки мира.

Есть также так называемые рабочие языки ООН. Они были определены по иным критериям, их шесть: английский, арабский, испанский, русский, французский и китайский.

Как китайский умудрился не попасть в список международных языков, мне не совсем понятно. Та же история с хинди.

Так или иначе, но русский язык значится во всех списках.

6. Русская национальная культура – это фактор всемирного значения. Поэтому, насколько я владею информацией, национальные постсоветские культуры, пока что большей частью состоящие из бывших граждан СССР, отчётливо это осознавая, мирно внесли классическую русскую культуру в пантеон мировой классики – и сочли свой культурологический долг выполненным.

Сразу скажу, что современная русская культура (музыка, литература, театр, кино) априори воспринимается с некоторой даже брезгливостью. В приличном обществе дурным тоном считается читать русскоязычную макулатуру, тоннами лежащую на прилавках книжных лотков, слушать русскую попу, льющуюся из всех динамиков, смотреть «чернуху» на темы криминала или Чечни, снятую русскими режиссёрами и так далее и тому подобное. Это считается неизбежным злом, таким себе злокачественным радиационным фоном, с которым надо как-то бороться, но пока никто не знает – как, потому что период полураспада этой радиации то ли сорок лет, как у Моисея, то ли несколько сотен лет, как по физике.

И это при том, что существует такой феномен как русская культура в диаспоре. Я имею в виду оставшихся в силу различных обстоятельств после распада СССР русскоязычных деятелей культуры. Они сначала по инерции, а потом, в разных государствах – с различной степенью напряжённости, в пике начавшейся дерусификации продолжают судорожно отстаивать своё право на создание островков русской культуры в этом государстве. Труднее всего приходится тем, кто не смирился с состоявшимся историческим фактом исчезновения великой советской империи и продолжает лелеять мечту о реверсе. А может быть, я заблуждаюсь, и им как раз легче всего. У них хотя бы иллюзия есть. Это ведь как вера. Она, говорят, выжить помогает.

7. На русском языке в быту разговаривает довольно значительное количество граждан Украины. Не буду приводить никаких цифр, поскольку этой статистикой манипулируют как только хотят. С уверенностью могу сказать, что из двадцати пяти областных центров Украины лишь в городе Тернополе на улицах действительно говорят только и исключительно по-украински. В большей части восточной и южной Украины половина жителей считает, что говорит по-русски, половина – что говорит по-украински. Обе половины, мягко говоря, заблуждаются.

И ничего странного в этом нет. Больше чем уверен, что для, например, исконного москвича тот язык, на котором в быту говорят жители Кировской области или области Архангельской, покажется совершенно диким суржиком, половину из которого он просто не поймёт. Обычная вещь – региональный диалект. Существует во всём мире.

И русский язык Украины за время его бытования на территории Украины тоже стал своего рода диалектом Украины. Русскоязычного украинца, приехавшего в Россию, расшифровывают в два счёта. А он, наивный, думал, что говорит на чистом русском языке.

В украиноязычной части Украины, то есть – в западной ее части, сохраняется некая культурная традиция европейской толерантности, которая подразумевает терпимое отношение к иноязычным согражданам, если они в свою очередь соблюдают правила языковой куртуазности. Просто здесь существует многовековая традиция сосуществования разноязыких этносов в пределах одного населённого пункта: поляки, немцы, евреи, румыны, венгры, словаки, не считая сугубо украинских разновидностей – гуцулов, лемков, буковинцев, полешуков и тому подобных. Разумеется, это не означает, что есть на территории Украины заповедники, свободные от наличия социальных отморозков, которых хлебом не корми – дай только устроить какой-нибудь шабаш или погром. В этом плане западная Украина ничем не лучше Украины восточной, разница только в стереотипах мышления.

Существует, в частности, такой стереотип: никакого украинского языка на самом деле нет, это просто диалектный русский, точнее – южнорусский, с привнесением в него фрагментов лексики польского языка. Составляют даже словарики польских заимствований в украинском языке. Такой образ мысли значительно упрощает жизнь противникам изучения украинского как государственного. Дескать, что ж там учить, если его вообще нет.

Но это абсолютная неправда. По той простой причине, что большинство современных языков составлены из мозаики различных иных языков, пока, правда, неизвестно, какое именно количество собственно своей национальной лексики делает язык – языком. Предположительно так назы-

ваемый «различительный коэффициент языка» может составлять всего лишь 5 %. И этого вполне достаточно, что английский стал английским, а русский – русским. Несмотря на влияние на английский латыни, немецкого, французского и многих других, а на русский – общеславянского, тюркского, угро-финского и многих других. Разумеется, нельзя забывать также об интерференции фонетической, морфологической, словообразовательной, синтаксической.

Конечно, носителей русского языка на Украине на порядки больше, чем поляков, венгров, болгар, не говоря уже о прочих евреях, давно перешедших либо на русский, либо на украинский язык. Поэтому обращение на русском языке на территории Украины по умолчанию считается вполне естественным. Многие граждане этого государства, искренне полагающие себя украинцами и носящие истинно украинские фамилии, до сих пор разговаривают в основном по-русски. Многие уже стыдятся этого и стремятся восстановить свою украинскость. Многие стали совершенно нормальными билингвами, легко варьирующими оба языка как в быту, так и на работе.

8. И вот именно это фактор – естественность бытования русского языка на Украине, до поры до времени воспринимавшаяся как изначально натуральный компонент культурной картины страны, стал с определённого момента яблоком раздора. Украина задекларировала себя как моноэтническое государство, автохтонным населением которого является именно украинская нация. Некоторые политические деятели, задумавшиеся о создании своей политической платформы, с воодушевлением обнаружили в атмосфере украинского государства значительный русский фон. Это совершенно логично было воспринято ими как резкий политический раздражитель, на котором легко можно было построить отчетливую идеологическую мифологию.

И если крик сумасшедшего американского сенатора «Русские идут!» воспринимается как анекдот, то имея под боком то и дело воюющую Россию, а на Черном море – российский флот, а в каждом доме – российский газ, только ленивый украинский политик не стал бы разгневанным перстом указывать на грозящую с севера опасность.

Вот тут-то и возникло то самое пресловутое разделение Украины на восток и запад. Сугубо политическое разделение. Но, как любая идеологическая мифологема, этот раздел очень быстро стал распространяться на уровне бытового сознания. Промышленный восток – и аграрный запад. Невежественный восток – и культурный запад. Русскоязычный восток – и украиноязычный запад. Всё это так – и одновременно всё это не так.

Но поскольку о степени индустриализации того или иного региона, равно как и об уровне образованности судить не так уж и просто, потому что для этого надо иметь хотя бы добросовестно собранную и непредвзято осмысленную информацию, то на поверхности остался доступный всем и каждому показатель – язык.

И вот уже лет десять бушует в преддверии очередной избирательной кампании очередная языковая катавасия: быть русскому языку вторым государственным или не быть? До сих пор действует принятый еще в СССР «Закон о языках», предоставляющий русскому языку значительные приоритеты. Каждый год каждая уважающая себя политическая сила выступает с законопроектом, долженствующим наконец-то навести необходимый порядок в языковом режиме государства. И все эти проекты благополучно исчезают в архивах Верховной Рады, поскольку опять же ни одна политическая сила не находит в себе сил осмыслить действительное положение дел, а норовит переломить ситуацию через колено и вынудить сограждан жить по уставу именно этой партии.

А сограждане еще, увы, не созрели до единомыслия. И когда созреют – сказать чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Вероятно, есть прямая зависимость политического решения языкового вопроса от решения политического устройства государства в целом. Пока действуют абсолютно логически невозможные, однако реально существующие политические альянсы коня и трепетной лани, изображающие из себя лебедя, рака и щуку, пока принципиально не решён вопрос, при каком общественном строе мы живём и какое государство строим – шансов политического распутывания языкового узла практически нет.

9. Разговаривают на Украине в основном на двух языках: украинском и русском. Болезненным вопросом на публичном уровне является недостаточно уверенное владение многими политическими деятелями, публичными личностями вообще именно украинским языком. Долголетняя русификация Украины привела к тому, что русский язык практически на всех уровнях влияет на язык носителей языка украинского: на фонетическом, словообразовательном, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Современный украинский язык с трудом освобождается от зависи-

мости от русского. До сих пор нередки кальки, особенно – в сфере деловой речи, научной терминологии.

Область культуры всячески стремится украинизировать атмосферу своего обитания. Фильмы иностранного происхождения, в том числе – российские, дублируются или титруются на украинский. Телевизионные каналы, даже очевидно – пророссийские, ведут трансляцию если не полностью на украинском, то вперемешку.

В общем, государственная тенденция в сфере информационных каналов направлена на тотальную украинизацию. Другой вопрос, что, например, телевидению приходится иметь дело с гостями студии, которые далеко не всегда готовы общаться с ведущим на украинском языке. На телешоу звучит и русская, и украинская речь. В достаточно редких случаях к русскоговорящему участнику, скажем, политических дебатов предъявляются именно лингвистические претензии. Разве что речь пойдет именно о языковых вопросах.

Легенды о том, что на Украине, особенно – в её западной части демонстративно не понимают русского языка, удобны, вероятно, тем, кто хотел бы драматизировать ситуацию. Равно как довольно распространённое мнение о том, что русскоговорящее население Украины демонстративно противится украинизации. Открытое противостояние характерно, пожалуй, только для Крыма, да и то – среди некоторой части интеллигенции, дебатирующей вопрос возвращения Крыма в Россию.

Действительно надо признать, что по сравнению с советскими временами резко сократилось количество русских школ на Украине, в украинских школах уже давно практически не изучают русский язык как школьный предмет, русская литература осталась только как часть литературы мировой. Всё это можно объяснить как объективными причинами, так и силовым давлением чиновников от просвещения. Большинство нынешних студентов высших учебных заведений (в которых образование ведётся также на украинском языке) уже испытывают трудности с чтением, например, рекомендованных источников на русском языке, не говоря уже о практическом устном и письменном общении на нём. Хорошо это или плохо – вопрос иной. Думаю, что знание любого языка всегда полезно. Если бы на замену русскому как второму языку пришел, например, английский, то эту ситуацию еще можно было бы оправдать. Но вряд ли стоит говорить о массовом овладении сегодняшней украинской молодежью английским языком. Так ведь и русский они тоже уже не знают. И это при том, что в телевизоре в версии разнообразных «Ментов» и «Интернов» русский звучит постоянно.

10. Теоретически проблему русского языка Украины можно решить двумя способами. Первый – учредить его государственный статус. Многие политики, идущие на выборы, в том числе – на пост президента, декларировали именно такой путь. Никому пока что не удалось даже близко подойти к такому варианту. Поскольку для этого необходимо изменить слишком много действующих нормативно-правовых документов, прежде всего – Конституцию.

Дискуссии о том, насколько разумным и рациональным был бы такой шаг, не утихают до сих пор. Позиции выглядят примерно таким образом. Сторонники введения русского как второго государственного упирают на значительное количество носителей языка в государстве и непреложное их право этим языком пользоваться во всех сферах жизни. Ссылаясь при этом на прецеденты стран, в которых больше одного государственного языка.

Противники в свою очередь отстаивают мысль о том, что украинский язык подвергался долгие годы различным притеснениям, до сих пор еще не стал уверенным каналом связи для большинства украинцев, поэтому требует к себе бережного отношения, чего, по их мнению, не будет в условиях неравной конкуренции с имеющим более длительную культурную историю языком русским.

Обе позиции, по моему мнению, имеют достаточное обоснование. Вероятно, рассчитывать в этой ситуации можно только на взаимные компромиссы. Эскалация остроты противостояния не приведёт ни к какому решению. Осталось только дожидаться влиятельной и авторитетной политической силы, которая, придя к власти, осознает необходимость именно взаимовыгодного решения. А то, что проблема существует – ни у кого не вызывает сомнения.

Второй вариант – приобретение Украиной статуса моноэтнического украинского государства не только де-юре, но и де-факто. В двадцатом веке такого рода операции проводились, например, операция «Висла», когда украинских поляков переселяли в Польшу, а польских украинцев – на Украину.

Понимаю, что даже теоретическое предположение о выезде с Украины значительного количества русскоязычного населения может выглядеть как политическая провокация. Огромное бо-

льшинство этих людей считает Украину своей родиной и не видит своего будущего на территории иного государства, даже – Российской Федерации.

Однако вполне возможно и более мягкое решение вопроса, которое потребует времени. В условиях украинской языковой среды всё большее количество молодёжи из русскоязычных семей в производственной сфере переходят на украинский язык. Уже их дети будут говорить по-украински и в семье. И проблема решится сама собой. Опыт нескольких поколений русских эмигрантов в странах Запада это подтверждает.

11. Помимо силового, государственного решения проблемы русского языка, полагаю, возможны и некие пусть промежуточные, но очевидно могущие привести к снижению напряжённости, меры.

В частности, давно уже обсуждается вариант введения в список иностранных языков в украинской средней школе вместе с традиционными английским, немецким и французским – русского языка. Этот путь не требует громкого скандального обсуждения в парламенте, достаточно приказом по министерству образования включить его в перечень. Это приведёт к тому, что, во-первых, выпускники украиноязычных средних школ хоть на каком-то приемлемом уровне будут владеть устной и, особенно, письменной русской речью. Резко возрастёт набор на отделения русской филологии в украинских университетах, в последние годы практически исчерпавший себя.

Аналогичную процедуру можно провести и на следующем образовательном уровне – в высшей школе, введя в перечень иностранных языков для изучения русский. И, наконец, дополнить тем же такой же перечень иностранных языков для выбора сдачи кандидатских экзаменов.

Разумеется, речь идёт именно и только о школах с украинским языком обучения. Поскольку абсурдно было бы вводить русский как иностранный для учащихся русскоязычных школ.

Фактически это стало бы признанием русского языка на Украине языком иностранным. Что несомненно прозвучало бы как вызов русскоязычной части населения Украины: как же так, мы что теперь – иностранцы? Единственное, что можно на это ответить: а кем себя ощущают граждане Украины польской, немецкой, болгарской, греческой и тому подобных национальностей? Тут уж каждый сам решает, в каком государстве он предпочитает жить. Тем более, что граница с Россией прозрачна, виз и даже заграничного паспорта не требуется. И для получения российского гражданства особых поводов не надо: половина граждан Украины родилась на территории нынешней Российской Федерации, а вторая половина имеет там легальных родственников.

Не буду обсуждать вполне банальные варианты решения проблемы, сводящиеся к призывам культурного роста, самообразования, национальной терпимости и прочих благоглупостей, совершенно очевидных на первый взгляд и столь же мало приспособленных к реализации.

12. Существует на Украине проблема, имеющая как прямое, так и косвенное отношение к России – проблема русского языка. Поскольку имеет хождение концепция так называемого «Русского мира», утверждающая, что Россия заканчивается там, где перестают говорить по-русски. Сторонники её на этом основании хотят видеть Россию и на Украине. А также – в Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии, Казахстане, Белоруссии – далее везде. Что ж, надо полагать, что многим такая идея по душе. Но она изначально конфликтна. И принять её – значит относиться к действительности несколько метафизически.

Актуальная реальность государства Украина такова, что государство это, прежде всего, существует. Уже двадцать лет. Естественно, общее с Россией прошлое никуда не ушло. Но пребывать в блаженной иллюзии, что достаточно лишь какого-то небольшого усилия, толчка, хлесткой фразы из уст скандального политика – и русскоговорящее якобы в большинстве своём население Украины надаёт по шее своим ушибленным национализмом правителям и ринется в объятия братской России... Ну бессмысленно это, по меньшей мере.

Даже русские Украины в массе своей – уже давно граждане именно Украины. И сравнительно недавний конфликт по поводу крохотного, размером в один кошачий чих островка Тузла, в ходе которого даже сепаратисты-крымчане воспылали украинским патриотизмом, – достаточно яркое тому свидетельство.

Мы, русские Украины, помним, откуда мы родом, мы говорим по-русски, мы любим русскую культуру – но мы граждане уже другого государства. И даже как-то странно убеждать кого-либо в этом. Настолько это очевидно.

А русский язык был и останется нашей родовой памятью, нашим сердцем и душой. Больше того, нам, русским Украины, может быть, даже больше дано от богатства русского языка, чем русским России. Мы, живя в иноязычном окружении, больше ценим его глубину, красоту и много-

звучие. Нам есть с чем сравнивать, мы больше боимся потерять, мы больше можем обнаружить.